

Карта Киргиз-Кайсацкой Степи из Атласа Российской империи, состоящего из 52 карт, изданного во граде св. Петра в лето 1796 года, в царствование Екатерины II (С.-Петербург, 1796)

УДК 72(093)(574.1/2)

Ажигали С.Е.

Очерк истории изучения памятников народного зодчества, «древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.)

Часть 1. От ранних сведений о памятниках кочевого Арало-Каспия
до экспедиции Я.П. Гавердовского 1803 – 1804 гг.

Ажигали Серик Ескендирулы, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН Республики Казахстан (Алматы), член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6209-4618>

E-mail: serik-e-azhigali@j-spacetime.com; s.azhigali@gmail.com

Статья посвящена истории изучения недвижимых памятников истории и культуры Арало-Каспийского региона, прежде всего, народного зодчества казахов в досоветский период. В первой части работы дан обзор ранних сведений о памятниках ареала, а также представлен анализ российских источников XVIII и первого десятилетия XIX вв.

Ключевые слова: памятники народного зодчества; «древности и развалины»; Арало-Каспийский регион; казахское памятниковедение; кладбища; мавзолеи; российские исследователи; военно-изыскательские экспедиции; колонизационное освоение.

«...ремесла ... находятся у кочевников на той же, или еще высшей, степени, на какой [мы] видим их обыкновенно в оседлом сельском населении. Мало того: не уступают кочевники поселянам и в строительном искусстве, хотя и не возводят себе постоянных жилищ; об этом свидетельствуют многочисленные кладбища в киргизских степях, издали представляющиеся красивыми городками, высокие, куполообразные и других форм гробницы которых, или, точнее сказать, надгробные часовни, нередко весьма обширные, возведены все и продолжают возводиться, с замечательной прочностью, руками самих киргизов [казахов]»

В.В. Григорьев. «О скифском народе саках»

Важной частью большой темы комплексного исследования недвижимых памятников истории и культуры Казахстана следует считать историю их изучения, начиная с наиболее ранних, по возможности, периодов и завершая современным состоянием «памятниковедческой историографии». В отношении древностей обширного степного региона эта серьезная проблема, имеющая основополагающее научно-познавательное, источниковое значение (в особенности в связи с неизбежным разрушением, изменением облика множества памятников) разработана исключительно слабо. В связи с этим многие весьма ценные, информативные источники – прежде всего «дореволюционного периода» – до сих пор остаются малоизвестными, либо не известными вообще, не используются в научных изысканиях и построениях, в практике освоения культурного наследия, реставрационной деятельности и т.д. Такое положение касается, фактически, всех категорий недвижимых памятников Казахстана: может быть археологических древностей в несколько меньшей степени, тогда как архитектурных комплексов и сооружений – в первую очередь, не говоря уже о специфических памятниках эпиграфического характера или этнографической направленности. Данная статья посвящена обзорной характеристике источников досоветского времени, касающихся большого круга сооружений народного зодчества казахов и других сопутствующих памятников на примере наиболее изученного в этом отношении западноказахстанского региона, известного также под более широким географическим названием – Арало-Каспийский регион. Исследование являет собой первую часть очерка по истории изучения весьма насыщенного памятниками историко-культурного ареала в указанный период.

Ранние сведения о памятниках кочевого Арало-Каспия (до середины XVIII в.)

Незаурядные памятники народного зодчества Западного Казахстана издавна привлекали внимание путешественников, военных, исследователей. Уже в работах средневековых авторов, посещавших территорию Арало-Каспия, обращается внимание на надгробные сооружения. Первый из них, арабский дипломат Ахмед ибн Фадлан, проезжавший через Устюрт в 922 г., характеризуя погребальный обряд огузов, упоминает сооружения наподобие мавзолеев¹. В то же время отдельные компилятивные авторы XI в. отмечают наличие башенных сооружений, колодцев на этом плато: в частности, аль-Бакри пишет о башне «на вершине горы Хорезма» (то есть на чинке Устюрта), в 12 фарсахах от Ургенча²; а Гардизи – о нахождении вдоль дороги через пустынное плато колодцев (по всей видимости, обустроенных), куда «спускаются ... на веревке и достают воду для лошадей»³ и т.д. Развитие мемориальной традиции в форме «больших башен из кирпичей», «каменных домов» у кыпчаков фиксирует дипломатический посланник Людовика IX Гильом де Рубрук, побывавший в степях Северного Арало-Каспия в середине XIII в.⁴

Заметный рост мемориально-культурного строительства в Западном Казахстане и прилегающих областях наблюдается (судя по источникам) в период принятия и утверждения ислама в Золотой Орде. Так, арабский путешественник ибн Баттута, посетивший в начале 1333 г. город Сарайджук (Сарайчик) в низовьях Урала, отмечает там суфийскую обитель – завийа⁵. Думается, это была архитектурная постройка с мечетью. Распространение мечетей в Прикаспии, в том числе в кочевнических районах, в этот период (возможно и ранее) подтверждается как археологическими раскопками в золотоордынских

¹ См.: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 128.

² См.: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 30, 131.

³ Бартольд В.В. [Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар]. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.: Наука, 1973. С. 56; См. также: Заходер Б.Н. Указ. соч. С. 130–131.

⁴ См.: Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1957. С. 102.

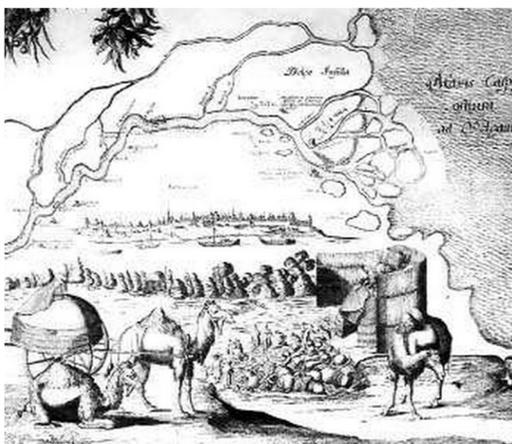
⁵ См., напр.: Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. М.: Наука, 1988. С. 72

Фрагмент карты России Антония (Энтони) Дженкинсона с изображением Каспийского моря и прилегающих земель. 1562 г.

Ногайцы в Астрахани. Фрагмент гравюры из «Описания путешествия...» А. Олеария. 1656 г.

Низовья Волги и Астрахань. Фрагмент гравюры А. Олеария. 1630-е–1640-е гг.

городах Поволжья¹, так и фиксацией, исследованием их на Мангышлаке (мечеть-комплекс Шакпак-ата и др.). Весьма интересны сведения о возведении в 1359–1360 гг. на востоке изучаемого региона, на Сырдарье, мавзолея кыйата Джир-Кутлу (Жыркулты), приводимые тюркоязычным автором 1-й половины XVI в. Утемишем-хаджи². Это сообщение имеет значение для истории создания средневековых особо монументальных мемориальных зданий в кочевнической среде, которые, в частности в Западном Казахстане (судя по различным источникам), были достаточно распространены. Возведение их (как отмечено в «Чингиз-наме») было сопряжено с большими трудозатратами и т.д.

Ряд косвенных, но достаточно важных сведений о памятниках кочевников Арало-Каспия обнаруживается в позднесредневековых источниках. Заслуживает внимания упоминание английского дипломата и путешественника, первого полномочного посла Англии в России Антония Дженкинсона (1558–1560) о могиле некоего мусульманского «святого» Vaughleata (Богли-ата) к западу от устья Урала, являвшейся местом популярного культа³. На Устьурте путешественник отмечает «старинные глубокие колодцы» на караванном пути⁴. Кроме того, в его записках указываются и другие историко-культурные пункты региона: город Сарайчик (Seratchik), расположенный в одном дне пути вверх от устья Яика, «гавань Мангышлак (Manguslake)» и «крепость Селлизур (Sellisure)» (= городище Вазир на юго-восточной оконечности плато)⁵. Интересно также сообщение Ивана Хохлова – руководителя русского посольства в Бухарию в 1620–1622 гг. – о местности «Белая мечеть» (букв. «Белый мечеть») на Мангышлаке, на п-ове Тюпкараган⁶.

Вероятно, здесь имеется в виду один из известных культовых комплексов: Канга-баба, Шакпак-ата либо Султан-Эпе.

Среди источников этого периода следует отметить и сведения немецкого ученого Адама Олеария, совершившего в 1630-х гг. путешествие по Волге и Каспию в Персию. Он, в частности, упоминает о месте погребения одного из «татарских святых», которое располагалось на острове в дельте этой реки и представляло собой «высокий деревянный дом, над которым на длинном колу была поставлена овечья голова». Приводится зарисовка этого, видимо но-

¹ См.: Бырня П.П., Рябой Т. Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // Российская археология. 1997. № 2. С. 91–103; Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 108–167.

² См.: Юдин В.П. О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., прим., иссл. В.П. Юдина. Комментар. и указат. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата, 1992. С. 83–86.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л.: Соцэкгиз, 1937. С. 173.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же. С. 173, 174, 176.

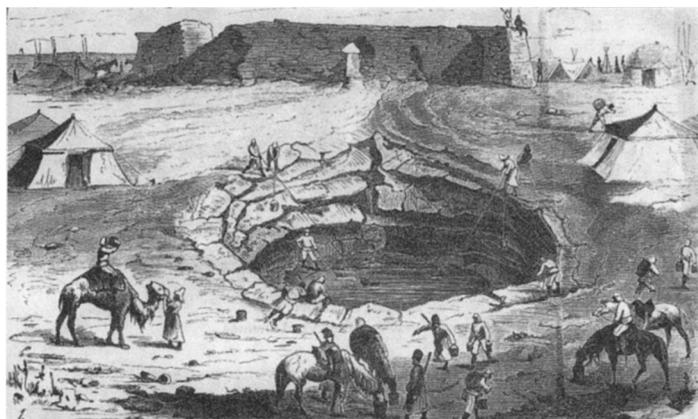
⁶ См.: Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова, 1620–1622 гг., декабря 12 // Сборник князя Хилкова. Петербург, 1879. № 107. С. 388–579.

гайского, памятника, который у русских назывался «татарским мольбищем»¹. Интересно, что Олеарий одним из первых (1637 г.) обращает внимание, будучи на западном побережье Каспия, на характерные для всего региона мемориальные эпиграфические памятники, фиксирует их – среди них и стелы, аналогичные западноказахстанским².

Исследовательский интерес к обширной территории Казахстана, Арало-Каспийскому региону существенно активизируется в начале XVIII в. – со стороны Российской империи, – и он носит стратегическую, геополитическую направленность. В частности, военно-изыскательский характер имела организованная Петром I экспедиция 1715–1717 гг. под руководством А. Бековича-Черкасского, которая завершилась неудачно. Деятельность этой экспедиции для нашей темы имеет определенный интерес в том отношении, что в 1716 г. отдельными ее отрядами на восточном побережье Каспия были заложены три крепости – в бухте «Тюк-Караган» (ныне Форт Шевченко), при заливе Александр-бай (ныне Александра Бековича-Черкасского) и на косе Красноводского залива (с XIX в. – место расположения города Красноводска, с 1993 – Туркменбаши). Эти сооружения (являвшие собой памятники колонизации русскими Прикаспия) после трагической гибели основного отряда экспедиции в Хиве и вследствие неудачного размещения были покинуты гарнизонами, но еще долго сохраняли свои остатки, о чем пишет ряд авторов 2-й половины XVIII–XIX вв. (Л.Л. Ладыженский, С.Г. Гмелин, Н.Н. Муравьев, И.Ф. Бларамберг, Н. Пущин и др.).

Александр Бекович-Черкасский (Девлет-Гирей-мурза, ?–1717). Фрагмент портрета работы Ф.А. Васильева, 1710-е гг.

Стоянка Мангышлакского отряда у развалин крепости Алан, построенной князем Бековичем-Черкасским в 1717 г. Рисунок М. Алиханова-Аварского. 1870-е гг.

«По свежим следам» историю экспедиции и заложения указанных крепостей описал русский гидрограф и картограф Ф.И. Соимонов, обследовавший Каспий и его побережье в 1719–1720 гг., хотя труд его «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний...» вышел значительно позднее, в 1763 г. Соимонов вкратце охарактеризовал местоположение этих крепостей, их особенности в плане жизнеобеспечения (в целом неудачные), заметив, что наиболее крупной была последняя – в Красноводском заливе³. Отметим, что в указанной работе определенный интерес представляет также комментарий автора к маршруту путешествия Антония Дженкинсона и отдельным его пунктам: «земле Боглеата» на северном Каспии, на мысу, где проезжавшие магометане отправляли «поклонение у гроба Татарского мнимого святого»; «гавани Мангуслав/Манкишлак» и т.д.⁴

С началом в XVIII в. многостороннего изучения российскими и западноевропейскими исследователями территории Казахстана пробуждается интерес к древностям, в том числе и архитектурным сооружениям. К наиболее ранним источникам этого круга следует отнести дневник путешествия исследователя немецкого происхождения Иоганна Густава Гербера через Северо-Восточный Прикаспий и Устюрт в

Титульный лист «Описания Каспийского моря...» Ф.И. Соимонова, 1763

¹ См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 416, 417.

² Там же. С. 458–460.

³ См.: Соимонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний... СПб., 1763. С. 15–16.

⁴ Там же. С. 267–268, 270–274, 276.

направлении Хивы (и Бухары) в 1732 г., которое также не достигло своей конечной цели. Но в итинерарии имеются сведения о целом ряде памятников на трассе старой караванной («Ногайской») дороги от Сарайчика до северной оконечности песков Сам (прежде всего, об остатках караван-сараев, «развалинах городов» и т.п.), хотя детально судить о содержании дневника Гербера, изданного на немецком языке, до недавнего времени было весьма затруднительно¹. В последние годы источник был впервые переведен на русский язык и (несмотря на то, что перевод нельзя признать полностью удачным и, как нам кажется, аутентичным, выдержанным) его содержание свидетельствует о весьма важном значении этих ранних сведений Гербера для истории западноказахстанского памятниковедения. В нем впервые в новое время довольно подробно описываются древности вышешотмеченного района (для 1-й половины XVIII в. это наиболее детальный в данном отношении источник)².

Путешественник целенаправленно фиксирует архитектурно-археологические памятники Прикаспия вдоль средневековой «Ногайской дороги» от Сарайчика до песков Сам: всего им кратко описано (или отмечено) около 15 местонахождений древних сооружений, комплексов. Так, о Сарайчике, который отстоял от Яика в 4-х верстах западнее, он пишет, что это «старый разрушенный город», «был очень большим местом, разделенным на 3 части, которое еще показывает свои развалины; от зданий уже ничего не осталось, кроме нагромождения камней и нескольких ... изогнутых подвалов из обожженных камней. Эти камни частично красные, частично белые, но весьма прочные и твердые, но тонкие и по толщине только наполовину толще, чем обычный кирпич, но шире и 4-х угольные»³. Далее Гербер отмечает, что «замок Гурьева» был построен из кирпичей, которые «большей частью были взяты из развалин Сарайчика»; в конце своих записок он еще раз кратко останавливается на особенностях фортификации Гурьева⁴.

Более подробные и интересные сведения автор приводит об участке «Старой Ногайской дороги» – а именно от места ее соединения с дорогой, идущей от Гурьева, (к востоку от Сарайчика) и до места остановки каравана, в 15 верстах севернее песков Сам, где он дальше не был пропущен отрядом враждебно настроенных казахов. Гербер характеризует эту дорогу как «очень широкую и очень старую», уточняя:

«... в глубокой древности это была дорога от ... Сарайчика и других городов, существовавших здесь в прежние времена, в Хорезм, или, как уже было сказано, в Хиву и другие тамошние места...»⁵.

Как видно, караван двигался по этой трассе, пройдя пункты (памятники), которые впоследствии стали известными благодаря разведочному маршруту Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) 1950 г.⁶ Это, в первую очередь, две группы (видимо обустроенных) колодцев, к западу-северо-западу от переправы на р. Сагыз. Первая из них – представляющая собой «4 соседних выкопанных колодца» – видимо, соответствует известным колодцам Белеули к северо-западу от пос. Макат и о которых наш автор пишет, что они «... должно быть, были выкопаны очень много лет назад людьми, которые пасли здесь скот, или специально для путешествующих людей...»⁷. Согласно отчету ХАЭЭ, возле колодцев располагается казахское кладбище с «художественными надгробиями»⁸, которого, возможно, во времена Гербера еще не существовало. Однако возле 2-х других последующих колодцев он отмечает остатки старых строений, домов⁹.

Путешественник, фактически впервые, фиксирует ряд каравансараяв («городов») на данном участке средневековой трассы. Первый из них – это комплекс, ставший впоследствии известным под

¹ См.: *Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwa und Buchara 1732*. St. Petersburg, 1902. S. 9–19. Востоковед В.В. Григорьев в свое время посвятил небольшую ознакомительную статью о нем в «Известиях РГО», отметив, что дневник был обнаружен действительным членом Общества П.Н. Петровым (см.: [Григорьев В.В.]. О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. // *Известия РГО*. 1870. Т. VI. Отд. 1. С. 46–48). Дается краткое описание путешествия, в котором указывается: «... Тотчас по переправе на левый берег р. Урала, против Сарайчика, Гарбер встречает полотно этой древней дороги [т.е. Старой Ногайской дороги – С.А.], колодцы ... и следы жилья около ... колодцев. Достигнув Эмбы, он находит остатки большого караван-сарая, существовавшего при переправе через эту реку, равно как и следы прежних поселений на берегах Эмбы; по переходе через эту реку, путешественник встречает и развалины целого древнего города ... При подъеме на Усть-Урт Гарбер опять встречает развалины древнего города, и в след за этим, каменоломню, дававшую материал для построек в этом городе. Затем попадаются еще старинные развалины в трех пунктах по пути к пескам Шам...» (Там же. С. 47).

² См.: *История и культура Атырау в русских источниках (XVIII–XX вв.)* / Сост. М.К. Кипиев; научн. ред. Ж. Шалгынбай. Т. 1. Атырау, 2014. С. 22 сл.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Подробно см.: Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // *Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т. 2: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1949–1953 / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–258; Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1950 г. // *Советская археология*. 1953. Вып. XVIII. С. 301–325.

⁷ Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. С. 26.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 27.

названием Таскешу («Тас-Кичу») на р. Сагыз и состоящий из каменного брода, остатков средневекового каравансарая и некрополя. Гербер отмечает здесь «развалины большого караван-сарая» и называет его «Канар-сагас» (Kanaq-sagas). Действительно, размеры здания, по исследованиям ХАЭЭ, оказались весьма значительными: 42 × 45 м в плане¹.

Караван-сарай в Таскешу. Современный вид. Фото с сайта <http://pricom.kz/?p=36896>

Следующий объект, который упоминает Гербер, – это, возможно, также остатки каравансарая на левобережье Эмбы (видимо, в районе известного кладбища Бакашы-аулие), где «недалеко от реки ... можно было увидеть на некоторой высоте разные развалины зданий, которые стояли здесь уже давно, так же вокруг было много разбитых кирпичей»².

Особо выделяет в своем «журнале» Гербер следующий пункт в 1,5 дневных переходах от переправы через Эмбу, который называет «разрушенный город Чван-Ата» («Eine ruinirte Stadt Tschwan Attah»), представляющий собой не что иное, как знаменитый некрополь Ушкан-ата XIV – начала XX вв. с остатками караван-сарая, городища. Это становится вполне ясным не только из несколько искаженного названия объекта, его местонахождения и описания, но также и из приведенной путешественником легенды об эпониме – «летающем отце» (т.е.: «деде») (Tschwan Attah = Ушкан-ата)³.

Некрополь Ушкан-ата. Современный вид.

Фото с сайтов <http://today.kz/news/kazakhstan/2017-08-11/747990-chetyire-istoricheskikh-obekta-v-atyrauskoj-oblasti-priznanyi-sakralnyimi/> и <https://www.facebook.com/kazgeokz/photos/pch.1019903524689307/101990303802268/?type=3&theater>

Путешественник так описывает этот крупный примечательный комплекс:

«...прибыли в старый разрушенный город, где мы увидели не только фундаменты многих домов и большой караван-сарай, но и еще стоящие стены домов и подвалов из обтесанных и обожженных камней.

¹ Отметим, что комплекс Таскешу (и, прежде всего, мемориальная его часть) был обследован в 2004 г. Западно-Казахстанской комплексной этноархеологической экспедицией 2004 г. под общим руководством автора данной статьи. Начальник отряда Р.А. Бекназаров в своем отчете отмечает, что кладбище состоит из двух частей: западной (видимо относящейся к позднему средневековью), с «оплывшими курганами» (остатки мавзолеев?) и восточной – с казахскими памятниками XIX – начала XX вв. (в том числе с художественными камнерезными надгробиями, стелами) (Обзорный отчет о работе Западно-Казахстанской этноархеологической экспедиции за 2004 г. / Сост. Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А.; Архив Госинспекции по охране историко-культурного наследия Атырауской обл. Алматы–Атырау, 2004. С. 45–47).

² Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. С. 27, 29.

³ См.: *Journal von der Reise...* S. 15; История и культура Атырау в русских источниках... С. 29–30. К сожалению, в новом переводе этот, вполне очевидный, факт по локализации/идентификации данного крупного объекта путешествия Гербера не отмечен.

Посередине находился большой бассейн и еще источник с прекрасной чистой водой, и мы увидели также большое количество могил на одной стороне города. Здесь, среди этих могил, мы остановились [в том числе, возможно, имеется в виду что-то наподобие странноприимного домика смотрителя-шыракшы – С.А.], чтобы переночевать»¹.

Из описания видно, что кладбище пользовалось особым почитанием местных мусульман.

Кроме того, из дневника следует, что на некрополе в то время еще отсутствовали характерные казахские камнерезные эпиграфические памятники (кулпытасы), поскольку Гербер фактически не нашел могил с (хорошо читаемыми) надписями: «они уже были испорчены временем». Это вполне соответствует истории распространения мемориальной эпиграфической традиции в данном районе в виде стел-кулпытасов, которые появились на Ушкан-ата, в основном, в XIX в., а знаменитые гигантские «ушканские кулпытасы» – в конце этого столетия.

К юго-юго-востоку от Ушкан-ата путешественник описывает сложный подъем на Устюрт («Gebirge Ginäk»), по завершении которого обнаруживает остатки еще одного «города» под названием Мансуалмас («Eine ruinirte Stadt Manssuhalmas»). Гербер описывает это место так:

«...мы нашли ... развалины караван-сарая и бывшего здесь довольно большого города; многие кладки зданий еще целы, и все они были, в большинстве случаев, из обтесанных камней... Как это место ... называлось, никто не знал и не мог мне сказать, кроме того, что Женибай хан [«Dzenibey Chan», очевидно, золотоордынский Джанибек-хан – С.А.] ... должен был основать здесь Академию, о чем свидетельствует здание или руины, которые мне были показаны; это было 4-хугольное здание, с большим подвалом и могло насчитывать еще 16 комнат, стены от него еще стояли...»².

Раскопки на поселении Коскудык. Современный вид.

Фото с сайта <http://silkado.com/en/content/kos-kuduk-poselenie>

Как видно, здесь идет речь о крупном караван-сараяе Коскудык на окраине Устюрта, в северо-западной части урочища Мынсуалмас. Весьма важным, на наш взгляд, представляется здесь упоминание Гербером имени хана Джанибека, которое сохранялось в народном предании в связи с постройкой этого комплекса в середине XIV в. (чему, а именно этой хронологии, в целом не противоречат данные археологических исследований рассматриваемой караванной трассы в последние десятилетия). По исследованиям ХАЭЭ и археолога А.Е. Астафьева, это также был крупный караван-сарай, сложенный из отесанных каменных блоков и плит, подквадратный в плане (41 × 42 м), с

порталом, обращенным на запад. К юго-западу от его развалин располагается большое кладбище периода позднего средневековья и нового времени, в том числе с казахскими надгробиями³.

В дальнейшем своем продвижении на юго-восток по караванной дороге И.Г. Гербер отмечает ряд других памятников: «старую каменоломню» (видимо, в районе северной оконечности сора Ашыктайпак, к востоку от родника Карангыбулак, где чинк имеет характерный изгиб); «руины города (и территории) Джебзле» («Eine ruinirte Stadt und Territorium Dzesläh») и неподалеку некую «осевшую могилу»; затем «разрушенный большой город Дели-Урус» («Deli-Uruss» или «Dolle Russe»), после которого (в одном переходе) продолжалась «территория этого Дели-Уруса», где «в руинах лежали разные большие дома и мечети и где была также его могила [Дели-Уруса – С.А.]...»⁴.

Несмотря на достаточную сложность локализации и идентификации данного места дневника немецкого путешественника, предполагаем, что в первом случае («Джебзле») речь идет об остатках какого-то каравансарая в местности/урочище Сайаралык⁵, а во втором и третьем случаях («город и территория Дели-Урус») – о «развалинах Коптам» и остатках караван-сарая Бельдеули, которые приблизительно

¹ Цит. по: История и культура Атырау в русских источниках... С. 29.

² Цит. по: Там же. С. 31.

³ Подробнее см.: Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. С. 16–17; Астафьев А.Е. Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Актау, 2010. С. 83–88, 99, 107; и др.

⁴ Цит. по: История и культура Атырау в русских источниках... С. 32–33.

⁵ При этом отметим, что археологи в этой же части Устюрта фиксируют городище под названием Жезды, но оно расположено значительно западнее маршрута Гербера (см., напр.: Астафьев А.Е. Указ. соч. С. 143).

находятся именно в том месте («в 15 верстах в сторону Шама»), где караван Гербера был остановлен казахами и дальше уже на юг, в сторону Хивы, не двигался¹. Отметим, что это место дневника проливает некоторый свет на характеристику «развалин/городища Коптам-Ногайлы» и караван-сарая Бельдеули:

«Все дома были из отесанных камней, также и разрушенный караван-сарай, и здесь были 2 довольно глубоко выкопанных колодца, далеко внизу и наверху, они были выложены камнями...»².

Таким образом, караван Гербера, дойдя до Коптама (или несколько южнее), не был пропущен далее вглубь Сама отрядами казахов и через 12 дней противостояния (со стычками, переговорами и т.п.) вынужден был вернуться обратно той же дорогой, но уже через Гурьев (откуда часть участников путешествия вернулась морем в Астрахань). Следует отметить, что помимо вышеописанных памятников автор попутно упоминает современные ему калмыцкие захоронения (неглубокие, в гробах и в одежде) на юге песков Нарынкум (где-то в районе песков Ментеке), калмыцкие поля и сады для возделывания около Сарайчика, фиксирует некоторые другие историко-этнографические сведения по казахам. Но для нас «журнал путешествия» Гербера 1732 г. ценен, прежде всего, наиболее ранними для того времени (эпохи освоения российскими исследователями территории Казахстана и Средней Азии) и достаточно подробными сведениями о памятниках (караван-сараях) северо-западного участка средневекового торгового пути («Старой Ногайской дороги») из Ургенча/Хивы в низовья Урала – Яика и в Нижнее Поволжье. В этом плане этот важный (и достаточно сложный для перевода) источник требует более детального дальнейшего исследования.

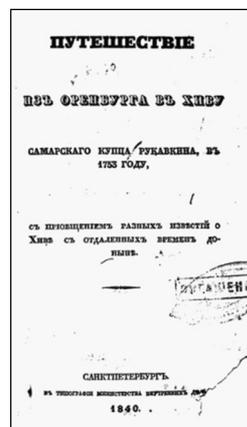
В 1753 г. примерно тем же маршрутом (от Сарайчиковской крепости до Сама), через Устюрт до Хивы, прошел с караваном из Оренбурга и купец Данила Рукавкин. В его весьма кратких записках, возможно, также идет речь о вышеупомянутом караван-сараяе-«крепости» в северо-западной части Устюрта, в урочище Мынсуалмас:

«...На верху той горы [Устюрта - С.А.], неподалеку от ее начала, стоит крепость пустая, четвероугольная, сделанная из кирпича и небольшой величины, так как сажен по сто каждая стена... Для входу в нее одни ворота; стены несколько пообвалились, а строения в ней никакого нет... В близости оной колодець чрезмерно глубок, выкладенный кирпичом...»³.

Добавим также, что последний путешественник упоминает и некий «замок» на острове внутри сора Барсакельмес на юго-востоке Устюрта.

Караван-сарай в Бельдеули. Современный вид. Фото с сайта <http://uzbekistan.travel/караван-сарай-белеули/>

Титульный лист (слева) и первая страница (справа) отдельного издания «Описание пути...» Дениса Рукавкина (1840)

¹ Локализацию каравансарая района см.: Астафьев А.Е. Указ. соч. С. 143.

² Цит. по: История и культура Атырау в русских источниках... С. 33. Подробнее о Коптаме см.: Басенов Т.К. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947. С. 23–25; Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции... С. 18. Здесь следует заметить, что в первом случае архитектор Т.К. Басенов (более детально обследовавший эту местность) видит в «развалинах Коптам» остатки «укрепленного городища Ногайлы» (видимо вкуче с погребальными сооружениями), возможно совпадающего с древним городищем Сам; тогда как археологи Хорезмской экспедиции (во время рекогносцировочного маршрута) фиксируют лишь «скопление развалин мелких мазаров, расположенных близ средневековой дороги на протяжении нескольких километров». При этом Басенов так же как и Гербер, отмечает «два древних колодца» (и четыре более поздних).

³ Рукавкин Д. Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам, с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753-м году из Оренбурга в те же места купеческом караване, самарского купца Данилы Рукавкина // Новости литературы. СПб., 1823. Кн. V. № 34. С. 125–126. В одном из изданий по истории русских экспедиций в Среднюю Азию отмечено, что маршрут Рукавкина пролегал восточнее и подъем на Устюрт осуществлялся по оврагу Курсай в Донузтау (см.: Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. I. 1715–1856 / Отв. ред. Г.Н. Чабров, Ф.С. Наточиев. Ташкент, 1955. С. 21; Первые русские научные исследования Устюрта: Сб. материалов / Отв. ред. акад. А.Л. Яншин, Л.А. Гольденберг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9). Но, судя по контексту описания пути (характер памятников, последующий переход через пески Сам), нам представляется, что маршрут, подъем на плато происходил, все же, западнее, в области Мынсуалмаса.

Титульный лист первого издания дневника Джона Кэстля (Рига, 1784)

Обложка изданных отдельной книгой записок Гладышева и Муравина (С.-Петербург, 1851)

Интерес к памятникам древности в Казахской степи проявил во время поездки в ставку Абулхайр-хана в 1736 г. и английский священник, живописец Джон Кэстль, который, в частности, отметил развалины древнего «монгольского» города Рудера на р. Орь, могилы «язычников» в районе рек Каргалы и Илек (одну из которых он раскопал и обнаружил погребение человека с конем), а также «монгольские» и «ногайские» могильные памятники с камнями в виде пирамид около г. Сакмарска¹.

Отдельные, весьма отрывочные сведения о памятниках к северу от Аральского моря обнаруживаются и в записках экспедиции Гладышева и Муравина 1740–1741 гг. из Орска в Хиву и обратно. В частности, поручик Дмитрий Гладышев и геодезист Иван Муравин упоминают «гору Мани-Тюбя» – Мәнітөбе (которая, как известно, издавна почиталась среди степняков), описывает месторасположение

«города Янкента» (Жанкента) в дельте Сырдарьи, а также приводит интересное сведение о «бывшей мечети» в верховьях р. Ори, в правобережной части – возможно, и на ее восточном притоке: р. Тамды². Видимо, этот значительный памятник (или его развалины) отмечен и на прилагаемой в издании карте на крайнем правом восточном рукаве верховьев Ори (Тамды?): значок «каменная палата». (Аналогичные сведения о существовании какого-то крупного памятника в верховьях Ори имеются также у И.П. Фалька, о чем будет сказано ниже). Таким образом, авторы, путешественники 1-й половины XVIII в. по Западному Казахстану, среди которых следует выделить И.Г. Гербера, старались попутно фиксировать памятники древности и примечательные места.

Изучение памятников Западного Казахстана во 2-й половине XVIII в.

Начало научного учета памятников древности в Западном Казахстане следует отнести ко 2-й половине XVIII в. и оно фактически было положено в трудах российских исследователей, уже целенаправленно занимавшихся изучением Казахской степи, – П.И. Рычкова, участников первых академических экспедиций 1768–1774 гг. П.С. Палласа, И.П. Фалька, С.Г. Гмелина, Н.П. Рычкова и др., сообщавших, по большей части, сведения о памятниках в северной части ареала. Большой вклад в изучение территории Казахстана в этот период внесли исследователи немецкого происхождения.

Петр Иванович Рычков (1712–1777), географ, историк, краевед. Гравюра конца XVIII – начала XIX вв.

Петр Симон Паллас (Peter Simon Pallas, 1741–1811), немецкий ученый-энциклопедист, натуралист, путешественник. Гравюра А. Тардые. XVIII в.

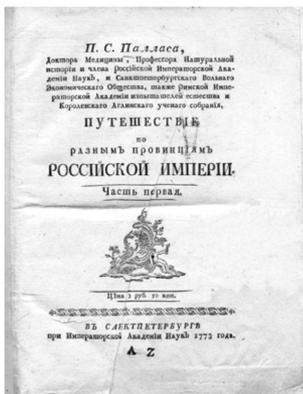

Самуил Георг Готтлиб Гмелин (Samuel Gottlieb Gmelin, 1744–1774), немецкий путешественник и натуралист. Портрет кисти неизвестного художника XVIII в.

¹ См.: Джон Кэстль. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхайру, хану киргиз-кайсацкой орды. Алматы, 1998. См. также, напр.: Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 144.

² См.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Географические известия. 1850. Вып. 4. С. 548, 551–552, 560, 562. О последнем свидетельствует то, что при описании маршрута, который пролегал на данном участке с севера на юг, вдоль р. Ори, автор указывает, что горы (Мугоджары) оставались «вправо», «а влево вершина речки Кайраклы [Кайракты – С.А.], которая впала в Ирғиз» (Там же. С. 560). Эта топографическая характеристика наиболее соответствует верховьям речки Тамды, берущей начало в восточной части высокой горы Жамантау, напротив которой, еще восточнее берет начало р. Кайракты.

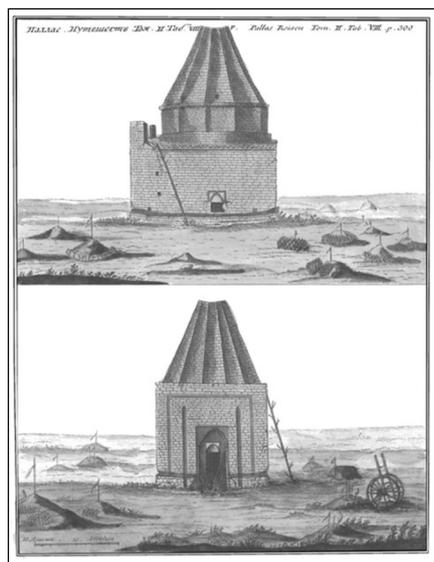

Титульный лист первого издания первой части «Путешествия...» П.С. Палласа (С.-Петербург, 1773)

святых почитают, и при том подле старых мечетей, а особливо в таких местах, где уже много старых могил находится»¹. Давая краткое описание остатков древнего города Сарайчика у одноименного форпоста, Паллас, как видно, отмечает и старый некрополь, на котором много могил, «выкладенных кирпичом»². Кроме того, в 3-й части (половина 2-я) своего труда он приводит сведения о калмыцком сооружении «Шоролигин Балгассун [земляной город]» из необожженных кирпичей в виде пирамиды в районе оз. Баскунчак³.

Особое значение в работе П.С. Палласа имеют материалы обследования известного степного памятника – мавзолея Кесене («Кошена», «Татарский молитвенный дом») и находящегося рядом казахского кладбища, которое было осуществлено исследователем в ходе специальной поездки из Троицка на юг в августе 1770 г. Дано довольно подробное описание самого монументального памятника, который находился «еще в хорошем состоянии», могильных сооружений, внешних проявлений погребально-поминального ритуала кочевников и, самое главное, сделана довольно приличная зарисовка мавзолея в двух ракурсах (с юга и востока) с антуражем некрополя⁴.

Исследователь отмечает, что кладбище окружено округлым (или овальным) в плане ровом до «сажен во сто» в поперечнике (т.е. до 200 м или более) и состоит в основном из рядовых могил-насыпей с воткнутыми в изголовье березовыми колами, увешанными вотивами (конские волосы, тряпочки), и, нередко, огороженными решетками от юрт (кереге), а также покрытыми чиевыми циновками и т.д. Описание деталей могил (например, погребальных носилок в виде двухколесной арбы и т.п.) представляет этнографический интерес.

Мавзолей Кесене XV–XVI вв. (восточный и южный фасады) и прилегающее казахское кладбище. Юго-восточное Приуралье. Зарисовка П.С. Палласа⁵. 1870 г.

Основное внимание Паллас уделил мавзолею, который охарактеризован им достаточно детально и, в целом (несмотря на специфику объекта и особенности стиля эпохи), понятно для современного специалиста; приведены основные параметры здания. Большое значение, безусловно, имеет графическая фиксация памятника, выполненная, с учетом масштаба, самим ученым. Необходимо отметить, что для памятниковедческой историографии Казахстана материалы поездки П.С. Палласа на мавзолей Кесене являют собой особо важное значение, как первый опыт (возможно, наряду с не выявленными еще материалами более ранней поездки Ригельмана на некрополь Абат-Байтак) архитектурного обследования конкретного памятника с выездом на место, последовательным описанием, обмерами и графической его фиксацией, т.е. с проведением т.н. «натурного обследования».

В 1771 г. совершил поездку в «Киргизскую степь» капитан Н. Рычков (также участник экспедиции Палласа), который в своих «Дневных записках» приводит описание степного кладбища Хан моласы, где был похоронен Абулхаир-хан. Он характеризует памятник последнего как небольшой четырехугольный в плане купольный мавзолей из сырцового кирпича и поясняет:

«В округе Ханского кладбища находится еще множество других [памятников – С.А.], которые искусством строения не только не уступают, но еще и превосходят первое. Иные из них сделаны на подобие четвероугольных же палат, другие круглые на подобие башни...»⁶.

Перечисление отдельных памятников Западного Казахстана – «развалин» городов, надмогильных сооружений – приводит также И.П. Фальк, отмечая при этом существование какого-то крупного соору-

¹ Там же. С. 586.

² Там же. С. 610–611.

³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3-я. Половина 2-я: 1772 и 1773 годов. Пер. Вас. Зуев. СПб., 1788. С. 329–330.

⁴ См.: Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2-я. Кн. 1-я: 1770 год. Пер. Ф. Томанский. СПб., 1786. С. 388–393; Он же. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Атлас. СПб., 1788. С. 33.

⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Атлас. СПб., 1788. С. 33.

⁶ Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 г. СПб., 1772. С. 45.

жения («высокая церковь» – видимо, мавзолей) на р. Ори, от которого последняя называлась «Тамлыор» (т.е. «Тамды Ор» = р. Ор с мавзолеем-«тамом»)¹. Далее он дает весьма интересное пояснение:

«При *Оре* находятся развалины каменной мечети, и разрушенный надгробный памятник Арслан Бека, воздвигнутый ханом Дженибеком»².

Вообще же краткие сведения этого автора о различных памятниках региона носят разрозненный характер, почерпнуты, как видно, из разных источников, но в целом заслуживают внимания (хотя и не всегда точны):

«развалины Ногайского города Шом [Шам]»;

«башня Кара-Гамбет [т.е. Караумбет]» на Устюрте³;

«каменные развалины» у Иртецкого форпоста, «кои Киргизцы называют *Туралбаи* или *Хараба* [видимо, Караоба – С.А.]»;

«надгробный памятник отца Байтака [мавзолей Абат-Байтак]»;

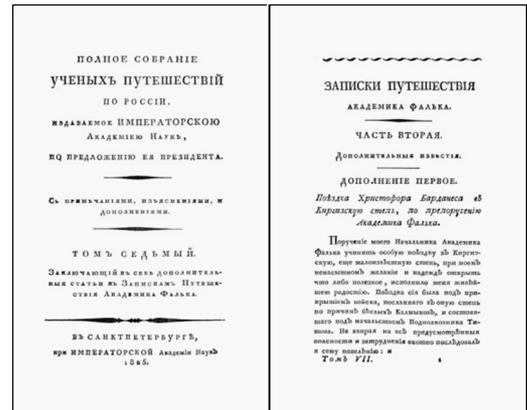
«каменный надгробный памятник, где покоится прах Абулкаира» и др.⁴.

В другой работе Фалька «Описание всех национальностей России» указываются «развалины древних городищ», «крепости» в южной части региона – на Мангышлаке, в том числе Чергали (Шеркала)⁵. Участник его экспедиции Х. Барданес, осуществивший весной 1771 г. маршрут на юг и на восток от Челябины, посетил и кратко описал вышеупомянутое казахское кладбище южнее р. Тогузак у оз. «Кашанеликуль» с мавзолеем Кесене, который представлял собой «развалины ... каменного, худо оштукатуренного храма в виде осмиугольника...» и т.д.⁶.

Весьма важные сведения об отдельных памятниках прибрежного Мангышлака сообщает Самуил Готлиб Гмелин, который в 1773 г. совершил путешествие вдоль восточного побережья Каспия и дважды высаживался на берег по 10 дней: в «гавани Качак-Култук» («Мангышлак») – в южной части современного залива Качак (напротив оврага Каракабак) и на «мысе Тюк-Караган» – а именно в Тюпкараганской бухте, у нынешнего пос. Баутино. В то время в этой части Восточного Прикаспия расселились туркмены племен абдал, бурунчук/бурунджук, игдыр, чоудор и бузачи (принадлежавшие, как известно, к объединению эсен-или). В районе «гавани Качак-Култук» автор отмечает «остатки каменных построек и надгробные камни на берегу», которые являют собой памятники характерного средневекового кладбища и, возможно, стены крепости (городища). В окрестностях второй стоянки (к югу от которой сейчас размещается г. Форт-Шевченко) Гмелин также фиксирует мемориальные сооружения:

«У туркмен в этом месте расположено кладбище... Большое количество камней, наваленных друг на друга, обозначают место погребения знатного человека. В центре этих камней был вставлен шест с полотняным флажком. У подножья камней лежало множество рогов – остатки животных, съеденных здесь близкими в память покойного. Невдалеке от камней находится еще много надгробий менее значительных людей. Их охотно хоронят возле могил знатных или святых. На небольшом расстоянии отсюда находится ... незаконченная постройка из необожженного кирпича...»⁷.

Судя по карте этого района, которую составил «рисовальщик и геодезист» экспедиции Бауэр, здесь дано описание известного крупного некрополя Сейслам-ата, ныне расположенного на южной окраине Форт-Шевченко. Кроме того, исследователем упоминаются выложенные камнем колодцы, естественные пещеры в бортах скал, используемые пастухами для ночевки, а также остатки одной из

Титульный лист седьмого тома первого издания «Полного собрания ученых путешествий по России...» И.П. Фалька (С.-Петербург, 1825; слева) и первая страница помещенного в нем «дополнительного известия» «Поездка Христофора Барданеса в Киргизскую степь...» (справа)

¹ См.: Полное собрание ученых путешествий по России... Том седьмой, заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика Фалька. СПб., 1825. С. 45.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 58–59.

⁵ Сиверс И. Письма из Сибири. Фальк И. Описание всех национальностей России. Алматы, 1999. С. 119.

⁶ Поездка Христофора Барданеса в Киргизскую степь, по поручению Академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России... Том седьмой... С. 3–5.

⁷ Путешествие Самуила Готлиба Гмелина по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. / Пер., вступит. ст. и примеч. К.И. Шафрановского и Т.К. Шафрановской // Труды Туркменского географического общества. Ашхабад, 1958. Вып. I. С. 204.

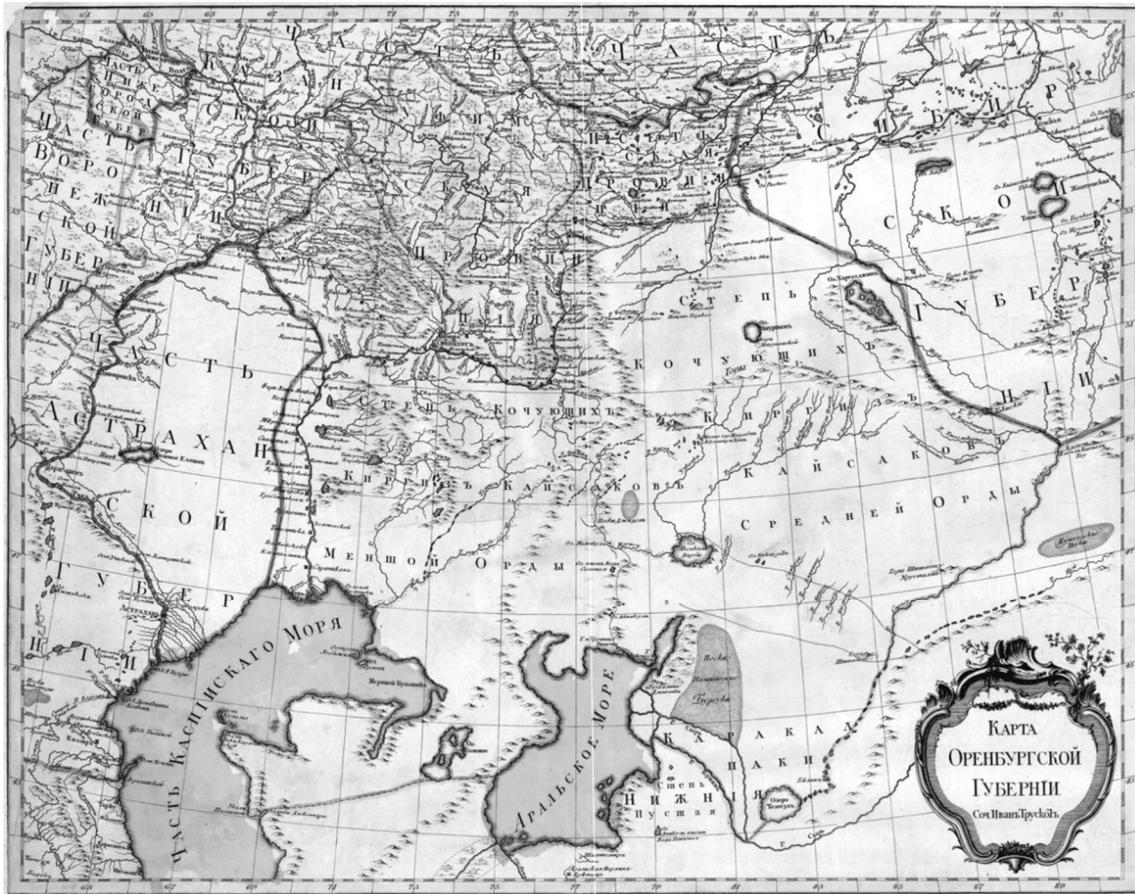
крепостей, основанных князем А. Бековичем-Черкасским на Тюпкараганском мысе (севернее Баутино), которая стояла тогда частично покрытая водами Каспия¹. Таким образом, С.Г. Гмелину принадлежит одна из первых фиксаций памятников Мангышлака с картографической привязкой.

Титульный лист первого издания записок Ф.С. Ефремова «Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии...» (С.-Петербург, 1794)

Определенное значение для нашей темы имеют косвенные сведения Филиппа Ефремова (находившегося в плену в Бухаре в середине 1770-х гг.) о путях от Ургенча до «мыса Мангышлакского» через Устюрт, с упоминанием ряда колодцев, урочищ, из которых, в частности, привлекает внимание «урочище Диньалан [видимо, развалины Аланкала – С.А.]»².

Необходимо отметить, что с постепенным накоплением географической информации о Казахской степи с середины XVIII в. начали готовиться и публиковаться картографические материалы по территории Арало-Каспия, в которых находили некоторое отражение и памятники. В частности, на многих картах уже указывалось «место где погребен Абулхаирхан» (впоследствии некрополь Хан моласы), «бывшая мечеть» на р. Ори, развалины Жанкента – это, например, «Карта казахских земель Младшего жуза» И.И. Красильникова 1755 г.³, «Карта Оренбургской губернии» 1772 г. И. Трускота и «Карта изображающая степь прилежащую к Российской границе и занимаемую Киргиз-кайсаками большой, средней и малой орды...»⁴. Более информативные картографические материалы стали публиковаться уже в XIX в. Укажем, что изучение их в русле памятниковедческой тематики является вопросом весьма специфичным и сложным и в данной статье картографические сведения привлекаются, по большей части, попутно, но не рассматриваются нами специально.

Карта Оренбургской губернии. И. Трускот, 1772 г.

¹ Там же. С. 200, 202, 204.

² См.: Ефремов Ф.С. Девятилетнее странствование / Под ред. Э.М. Мурзаева. М.: Географгиз, 1952. С. 52–53

³ См.: Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е. Алматы, 2007. Вклейка.

⁴ См.: Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. Алматы, 2008. С. 433, 460.

Карта изображающая степь прилежащую к Российской границе и занимаемую Киргиз-кайсаками большой, средней и малой орды... Начало XIX в.

Исследование памятников Арало-Каспийского региона в первой половине XIX в. (до образования Русского географического общества)

Экспедиция Я.П. Гавердовского 1803–1804 гг.

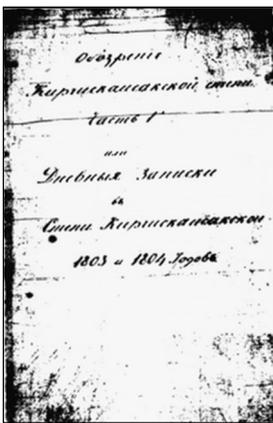
Значительно более разнообразные сведения об архитектурных сооружениях Арало-Каспия обнаруживаются в источниках XIX в., когда закладываются основы целенаправленного изучения древностей Казахстана. Обследование достаточно активно колонизируемых территорий Западного Казахстана (казахского Младшего жуза) в начале этого столетия, да и вообще в 1-й его половине, ведется российскими исследователями, путешественниками, военными главным образом в двух основных направлениях, ареалах: это, прежде всего, обширные пространства к северу, отчасти к востоку и юго-востоку от Аральского моря (зона влияния «трассы» Оренбург/Орск – Бухара) и межаралокаспийское пространство, включая и северо-восток Прикаспия (где доминировало направление Астрахань – Хива). На пустынно-степных землях обнаруживалось все большее число древностей, «развалин», в особенности самобытных казахских памятников (мавзолеев, кладбищ), являвшихся неотъемлемой частью ландшафта, но специального исследования их не проводилось. Необходимо отметить, что памятники как важные ориентиры на местности, в особенности на торговых путях, привлекают внимание представителей местной колониальной администрации, фигурируют во многих итинерариях, отчетах и т.п.

Показателен такой интересный факт: в 1803 г. в Оренбургской таможне было составлено «Описание Хивинского ханства», включающего маршрут Старой Ногайской дороги с низовьев Урала (от Сарайчиковского форпоста) через Устюрт до Хивы с указанием важнейших пунктов/переходов. Сведения об этой записке впервые (из известных нам источников) были изложены в рукописи начала XIX в. «Замечания о Киргизской степи» неизвестного автора (им оказался Я.П. Гавердовский), опубликованной только через полвека в «Астраханских губернских ведомостях»¹. Причем в публикации указывалось, что это описание было составлено «из разных известий» директором таможни Величко. Однако

¹ См.: Замечания о Киргизской степи // Астраханские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. № 41. С. 197–199.

Первая страница публикации В.В. Григорьева «Описание Хивинского ханства...» в «Записках РГО» (1861, кн. 2)

Титульный лист первой части рукописи труда Я.П. Гавердовского «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи...»

фактически этот документ стал известен лишь после специальной публикации востоковеда В.В. Григорьева в 1861 г.¹ И уже в наше время (в 2007 г.) последняя публикация была переиздана в серии источников по истории Казахстана, где автором единолично указан Павел Елисеевич Величко².

В этом источнике (мы пользуемся наиболее ранней его публикацией в «Астраханских ведомостях») были отмечены наиболее примечательные памятники на торговой трассе: «плотина» на р. Сагыз (каменный брод Таскешу) – «развалины каменных и кирпичных зданий» у ключей Кайнар – развалины в «урочище Боканчик» (в публикации Григорьева: Баканчин; настоящее название: Бакашы) – развалины у ключей Ушкан и остатки трех крепостей южнее – три крепости на чинке Устюрта у «родника Жаксысу» – развалины Коптам (с остатками «до 30 зданий со сводами») – «древнее каменное здание, с одной башней, похожее на крепость» у «колодцев Блявули» (каравансарай Белеули на Устюрте) – «обширные, невысокие, древние... здания на острове Барсакельмес» (возможно, городище Аланкала) – «12 буток» (будок) в районе «склонения к Аральскому морю» (каменные башни на юго-восточном чинке Устюрта) и т.д. Следует отметить, что сведения этого «дорожника» хорошо перекликаются с данными «Карты части Средней Азии, содержащей земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев...» 1816 г.³ (о чем подробнее во 2-й части нашей публикации). Таким образом, при освоении территории Казахской степи памятникам стало придаваться и важное практическое значение.

Что же касается вышеотмеченных ареалов изучения памятников Западного Казахстана в первые десятилетия XIX в., то наиболее посещаемыми российскими исследователями в этот период были районы к северу и отчасти к востоку от Аральского моря. Упоминания, краткие описания казахских памятников («могил», кладбищ), древних курганов, «развалин» здесь мы встречаем в путевых заметках, отчетах, воспоминаниях участников различных миссий, поездок, экспедиций, следовавших из Оренбурга в низовья Сырдарьи, в Бухару. И прежде всего здесь надо остановиться на материалах русского посольства 1803 г. из Орска в Бухару под руководством поручика Я.П. Гавердовского, потерпевшего неудачу в Приаральских Каракумах вследствие нападения и разграбления каравана местными казахами. Подготовленный им большой труд «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи», как и журнал экспедиции, долгое время оставался неизданным, хотя, вследствие своей особой ценности, был известен и использовался отдельными историками и этнографами в архивном, рукописном варианте. Полностью материалы миссии Гавердовского были изданы только через 200 лет казахстанскими историками под руководством И.В. Ерофеевой⁴.

Вместе с тем, следует отметить, что это не первое издание данных материалов: часть труда Я.П. Гавердовского, касающаяся географического описания Казахской степи, караванных путей, как отмечалось, была опубликована «анонимно» в 1855 г. в «Астраханских губернских ведомостях»⁵. При публикации было отмечено, что «рукописное сочинение неизвестного автора, составленное, как видно, еще в начале текущего столетия» было предоставлено в редакцию хорунжим Астраханского казачьего войска В.П. Алексеевым. Очевидно, Гавердовский готовил публикацию своей рукописи по частям, в продолжающемся издании (поскольку в данном случае публикуется, как раз, начало 2-й части его труда – Обобщения), но ввиду своей занятости, а затем и гибели в 1812 г. в Бородинском сражении, не смог воплотить это в жизнь.

¹ Григорьев В.В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // Записки РГО. 1861. Кн. 2. С. 105–138. См. также: Первые русские научные исследования Устюрта... С. 20–21.

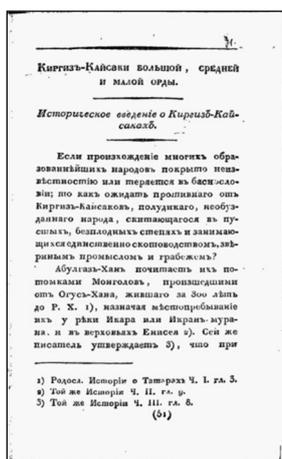
² См.: Величко П.Е. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости (1803 г., с примечаниями В.В. Григорьева) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 179–205. В связи с личностью последнего отметим также, что на Величко первоначально предполагалось возложить руководство посольством (вооруженным караваном) для отправки в Бухару в 1803 г., которое затем было поручено поручику Гавердовскому (см.: Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 96–97).

³ Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев. Сочинена при Депе карт. [СПб.], 1816. [1:2100000]. 5 л. в общ. рамке. 36 × 45 (см) // Библиотека РАН. Отдел картографии. Шифр V 1956a/400.

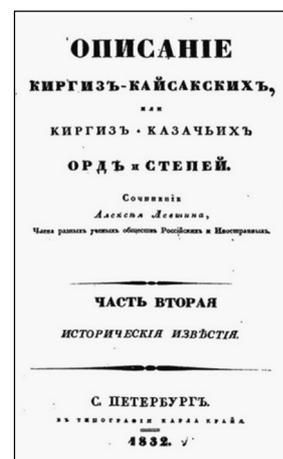
⁴ См.: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007.

⁵ Замечания о Киргизской степи // Астраханские губернские ведомости. Часть неофиц. 1855. № 22, 23, 29–31, 35, 37, 39, 41.

В начале 1820-х гг. на ценный труд Я.П. Гавердовского было обращено внимание благодаря, как видно, ознакомлению с ним Г.И. Спасского – издателя журнала «Сибирский вестник», в котором были опубликованы отдельные материалы из «Обозрения Киргиз-кайсацкой степи». В частности, разработки исследователя по родорасселению казахов были использованы Спасским в работе «Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды»¹. (Кстати, последнего нельзя считать единоличным автором этой публикации, фактическими соавторами которой являлись И. Андреев и Г. Фролов). Кроме того, Г.Ф. Генс издал статью «Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи», которое являет собой переложение, с небольшими стилистическими изменениями, аналогичного раздела труда Гавердовского. Но материал был опубликован со ссылкой на автора – как «Извлечение из Обозрения Киргиз-Кайсацкой степи Г. Г.»². В 1823 г. вышли и другие публикации, касающиеся материалов и судьбы неудачной экспедиции 1803–1804 гг.³. Отметим также, что записки одного из ее участников доктора Саввы Большого были опубликованы в 1822 г. в журнале «Сын Отечества»⁴. Разработки Гавердовского были концептуально использованы впоследствии и А.И. Левшиным при составлении его обобщающего труда «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей...».

Первые страницы начала публикаций работы «Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды» в «Сибирском вестнике» (1820, ч. 9; слева) и «Записок доктора Саввы Большого...» в журнале «Сын Отечества» (1822, ч. 76, кн. 11)

Титульный лист второго тома («Исторические известия») труда А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей...» (С.-Петербург, 1832)

В советское время отдельные выдержки по этнографии казахов – в том числе касающиеся традиционных поминок, а также надмогильного сооружения (торткулака) Джанбей-батыра (Джаныбека / Джанбека, как отмечено в указателе; на самом деле: Жана-бия) – были опубликованы в сборнике «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках»⁵.

Материалы экспедиции Гавердовского имеют немаловажное значение для истории изучения памятников Западного Казахстана и, прежде всего, Приаральского региона. Им было помещено вышеуказанное «Описание Старой Ногайской дороги» (и памятников на ней), а также и других караванных путей в Хиву и Бухару: из Астрахани (через Мангышлак), из Оренбурга – две трассы (вдоль западного берега Аральского моря, через Хиву и через низовья Сырдарьи, восточнее Арала) и более восточных. Среди этих описаний, помимо уже рассмотренного нами первого, привлекают внимание следующие факты: упоминание небольшого «трухменского селения у пристани Сарташ» на Мангышлаке (видимо, заимствовано у С.Г. Гмелина); а также весьма важное краткое описание «раз-

¹ См.: [Спасский Г.И.]. Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9. С. 86(100)–109(123).

² См.: [Генс] Г. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из Обозрения Киргиз-Кайсацкой степи Г. Г.) // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20. С. 141(321)–148(328).

³ См.: [Гавердовский]. Разграбление Киргизами Русского каравана, шедшего в Бухарию в 1803 году. (Отрывок из дневных записок Г. Гавердовского) // Сибирский вестник. 1823. Ч. 2. Кн. 9. С. 29–36; Кн. 10. С. 37–45; [Он же]. Общее обозрение местоположения Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из записок Г. Гавердовского) // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. Кн. 13. С. 43–60.

⁴ См.: [Большой С.В.]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын Отечества. 1822. Ч. 76. Кн. 11. С. 168–177; Кн. 12. С. 213–220; Кн. 14. С. 289–303; Ч. 77. Кн. 15. С. 24–34; Ч. 80. Кн. 35. С. 49–68.

⁵ См.: Документ № 86. 1803 г. Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановичем во время их поездки в Бухару через Казахстан // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964. С. 152–163.

валин Мавлюберды» у впадения р. Темир в Эмбу. Последнее представляет немалый интерес:

«Развалины Мавлюберды находятся на ровном месте, недалеко от устья р. Темир. Они представляют собой каменное, довольно возвышенное, полу-разрушившееся здание, похожее на капище. Сказывают, что здание это прежде было мухаммеданской мечетью, построенной одним святым, вышедшим сюда из Аравии еще во времена существования Золотой Орды...»¹.

В этой части труда Гавердовского привлекает внимание также информация о «знаменитом колодце Букан» в южной части Кызылкумов (севернее совр. Учкудука), очевидно, хорошо обустроенном и обеспечивавшем водой в течение суток до 1000 человек и столько же лошадей².

Немало памятниковедческой информации заключено и в собственных записках исследователя и его попутчиков на основе путевых наблюдений и опросов местных казахов – в основном это краткие упоминания тех или иных памятников, кладбищ, древних курганов, отдельных колодцев и т.п., но также и описания связанных с ними погребально-поминальных ритуалов казахов, культа предков (жертвоприношений). Среди казахских памятников отмечены, например, следующие: «большая могила Актан-бия, похожая на разрушившийся холм», «знаменитое урочище Бисмула» с кладбищем с каменным изваянием, гора Мануавлэ «на вершине (которой) находится знаменитая могила, представляющая полуразрушившееся здание, под которым покоится прах киргизского святого Ману», «знаменитые могилы разного вида (кладбище) ... на вершине (горы) Карамулатюбя», кладбище с «надгробием Чжаны-бия (Жана-бия)» в форме торткулака [в урочище Тогыскен, у слияния Ыргыза и Торгая], «могила Бургай-бия», «могила Ходжаберган» (Кожаберген)³, «гора Каратавлэ ... с могилой одного из киргизских святых [в районе слияния Ыргыза и Торгая, либо севернее]»⁴ и др. безымянные⁵. При этом Гавердовский часто отмечает возвышенную топографию казахских могил, правомерно связывая их с культом гор (которые, нередко, получают название от могил святых и батыров) и жертвенным культом. Надмогильные сооружения, забота о могилах занимает важное место в жизни казахов – «культ предков»⁶.

Определенный интерес представляет информация и о других видах памятников: упоминания о колодцах, высоких земляных валах в степи. Весьма важны сведения об отдельных объектах – в частности, описан такой специфический историко-ландшафтный памятник как гора Богенбай-батыра с «конусообразной каменной скалой» («Буканбаев маяк»): знаменитый наблюдательный пункт батыра из рода таракты-табын, который использовался в период казахско-джунгарской войны первых десятилетий XVIII в. По преданиям, приводимым Гавердовским, Богенбай погиб здесь и похоронен «на горе маячной»⁷. (Гора расположена южнее долины среднего Ыргыза, в 37 км к ЮЮЗ от совр. одноименного центра и издавна известна среди казахского населения как «Бөгенбай шоқысы»).

Любопытна также информация о проекте постройки дома хану Младшего жуза Есиму в самом конце XVIII в. в северо-западной части песков Тайсойган. Этот замысел оренбургской администрации не был претворен в жизнь ввиду смерти хана в 1797 г. Но, несмотря на это, данный объект – «Зимнее ханское жилище» – успел попасть на карты того времени. В своем более позднем труде А.И. Левшин, отмечая данный факт, указывает, что здесь, якобы, планировалось строить группу домов, в которых могли размещаться члены ханского совета (дивана)⁸.

¹ Замечания о Киргизской степи // Астраханские губернские ведомости. 1855. № 41. С. 204; см. также: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. С. 334. Возможно, здесь речь идет о комплексе, некрополе Маулимберды (Маулетберды) XV (XIV?)–XX вв., расположенном в указанном районе, в 25 км на ЗСЗ от слияния рек Темир и Эмба. Это наиболее крупный сохранившийся историко-культурный объект в этой местности, с остатками средневековых мавзолеев из жженого кирпича. Памятник обследован экспедицией 2003 г. под руководством автора.

² См.: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. С. 336–337.

³ Необходимо подчеркнуть, что правильное наименование топонима: Кожаберген. Однако это урочище, где произошло роковое нападение казахов-шектинцев на караван и его разгром, вошло в историографию под искаженным названием Ходжаберган (видимо, произношение татарских переводчиков). См.: Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 72–73; Ерофеева И.В. Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. С. 10.

⁴ См.: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. С. 180, 209, 215, 225 и 252, 229, 239, 243, 253.

⁵ Там же. С. 180–181, 201, 233 и т.д. Следует отметить, что некоторые из памятников, упоминаемых в источнике (могильник Бесмола, кладбище Мэни-эулие), обследованы нами в 1980-х гг. (см.: Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002. С. 27 (№ 380, 384); более подробно см.: Он же. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. Сб. статей. Вып. 1. Алматы, 2001. С. 160, 171 – карта (№ 32, 43)). В частности, упоминаемое Гавердовским поясное изваяние в урочище Бесмола («истукан с совершенно калмыцким лицом»), было утрачено, а именно вывезено с бейита во 2-й половине 1970 г. («чтобы отправить куда-нибудь в музей»), но по неосторожности оказалось сброшенным в реку Ыргыз в районе пос. Киров (Материалы экспедиции 1984 г.). В целом же локализация и идентификация многих объектов (как исторических, так и ландшафтно-географических), отмечаемых участниками экспедиции 1803 г., затруднена – прежде всего вследствие изменений в топонимической номенклатуре, произошедших за последние 150–200 лет, а также, думается, по причине разрушений многих памятников архаичного периода.

⁶ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. С. 180–181 и др.

⁷ См.: Там же. С. 219–220.

⁸ См.: Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 277.

У Я.П. Гавердовского имеются попытки общего взгляда на памятники Казахской степи, их оценки: в частности, отмечается их важное значение («выгода») как ориентиров; указывается, что древние могилы в степи (курганы и отдельные старинные сооружения) «приписываются киргизцами нагайцам и моголам»¹. Для обобщенной характеристики («классификации») «развалин в степи Киргизской» им выделен небольшой раздел – гл. 7-я во 2-й части «Обозрения», где памятники, хотя и недостаточно четко и ясно, распределены на три части: домусульманские; мусульманские и «развалины особливых строений» типа замков (крепостей), служившие «убежищем для ханов» либо «для удержания орд в покое и повиновении к владетелям». «Итоговое» освещение автором данной темы (в то время, конечно, совершенно не разработанной) выглядит недостаточно системным, путаным, но в нем, все же, прослеживаются два основных направления: поселенческие памятники, фортификационные сооружения – типа крепостей, замков, остатков городов (упомянуты памятники в низовьях Сыра и «на горе Чин» – на Устюрте) и погребально-культовые сооружения – в том числе древние курганы, развалины капищ периода «Зюнгурской орды», мавзолей (преимущественно из глины), «остатки каменных мечетей и около их по обыкновению строящихся школ (медресы)». Особое место «в степи Киргизской» занимают надмогильные памятники, которые нередко образуют большие кладбища, «святые места (авлэ)», «подобие великолепных городов» (как на островах в низовьях Сырдарьи: информация, полученная от другого участника экспедиции – доктора Саввы Большого)².

Наконец, весьма важное значение в труде Гавердовского имеют этнографические материалы, отражающие особенности погребально-поминального ритуала казахов, связанного, в свою очередь, с культом кладбищ – аулие и могил. Автор вкратце описывает некоторые особенности похорон, могильных конструкций, поминальных обычаев (в том числе женских плачей по умершему – «улен»)³, отмечая:

«Большие тризны в честь людей знаменитых совершаются по большей части у могилы покойного, а некоторыми при том обрядами и при стечении многочисленного народа, который собирается туда по приглашению потомков, иногда его число простирается до 2000 человек»⁴.

В частности, приводится описание тризны в честь бия Жана из рода шомекей, которая проводилась около его могилы, кладбища и свидетелями которой были сами члены российского посольства⁵. Кроме того, автор приводит данные о грандиозных поминках в честь знаменитого батыра Сырыма Датулы, который скончался незадолго до выхода экспедиции в степь⁶.

Достаточно интересную информацию о памятниках приводит в своих записках и упомянутый участник экспедиции Гавердовского – доктор Савва Большой, который во время нападения казахов попал в плен, был увезен в низовья Сырдарьи и пробыл там около десяти месяцев. Кроме тех объектов, которые были упомянуты в общем журнале (кладбища «Карамула», «Мануавлэ») у него приводятся оригинальные сведения о памятниках указанного района, многие из которых он видел сам. В частности, путешественник отмечает несколько казахских кладбищ между Сырдарьей и Куандарьей: «знаменитое кладбище Айдарлы», Жаксыкостам, Жаманкостам, «Камалсыик» (возможно: Камалсыик), «Чумайсыик»⁷. При этом указывается, что имеет место обычай «временных кладбищ» (захоронений), откуда останки могут быть перенесены на общий некрополь – множество таковых, называемых «мула» (мола) или «авлэ» (аулие), расположено как в долине Сыра, так и на островах реки. Весьма интересно, что автор ссылается на изображение⁸ № 15 (сделанное им самим?) одного из кладбищ. Среди типов надмогильных памятников казахов С. Большой выделяет «кирпичные или глиняные мавзолеи, называемые *мазарки*»; отмечает некоторые особенности погребального обряда, конструкций могил⁹.

Наряду с этим в записках сырдарьинского пленника упоминаются и другие виды памятников: «остатки крепости Жангиткала» (Жынгыткала) (со ссылкой на рис. № 14), которые достаточно хо-

¹ См.: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. С. 181–182, 362.

² Там же. С. 362–365.

³ См.: Там же. С. 465–467, 201.

⁴ Цит. по: Там же. С. 228.

⁵ Там же. С. 228–229.

⁶ Там же. С. 468.

⁷ Там же. С. 272–273.

⁸ Данный рисунок, как и другие, упоминаемые в материалах настоящей экспедиции, имеет важное значение для рассматриваемой темы, но он (и другие упоминаемые рисунки) к сожалению, не опубликован в известных нам изданиях. При подготовке данной статьи автором, с целью их поиска, был специально осуществлен просмотр материалов экспедиции Я.П. Гавердовского, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19208, 19209), который не дал никаких новых результатов. Таким образом, по-прежнему не имея возможности судить о содержании и даже наличии этих иллюстративных материалов в других архивах, отметим, все же, что указанный С. Большим рисунок кладбища на Сырдарье весьма напоминает нам сюжет аналогичной зарисовки, помещенной в труде А.И. Левшина «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» (Ч. I–III. СПб., 1832). Возникает вопрос: не был ли заимствован последний из материалов ранней экспедиции?

⁹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. С. 267–268.

рошо сохранились (стены до 5 сажен высоты, стрельницы); остатки оросительных систем («канавы»); отмечен также «колодец Жамбимбеткудук» (Жалимбеткудук?)¹.

Как видим, материалы экспедиции Я.П. Гавердовского 1803–1804 гг. занимают свое особое место в истории изучения «древностей и развалин» Казахской степи, традиционных казахских памятников, выделяясь как новизной и аутентичностью многих сведений, так и использованием/приведением данных ранних малоизвестных источников. Прежде всего, они значимы для памятниковедения Арало-Каспийской области, отчасти и других регионов степного Казахстана. При этом весьма важны наблюдения авторов из области погребально-поминального ритуала кочевого населения, казахской этнографии в целом, а также и географии региона с фиксацией архаичных элементов народной топонимии².

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 19208, 19209.
2. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
3. Ажигали С.Е. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. Сб. статей. Вып. 1. Алматы, 2001. С. 150–183.
4. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л.: Соцэкгиз, 1937.
5. Астафьев А.Е. Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Актау, 2010.
6. Бартольд В.В. [Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар]. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М.: Наука, 1973. С. 23–62.
7. Басенов Т.К. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.
8. Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. Алматы, 2008.
9. [Большой С.В.]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын Отечества. 1822. Ч. 76. Кн. 11. С. 168–177.
10. [Большой С.В.]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын Отечества. 1822. Ч. 76. Кн. 12. С. 213–220.
11. [Большой С.В.]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын Отечества. 1822. Ч. 76. Кн. 14. С. 289–303.
12. [Большой С.В.]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын Отечества. 1822. Ч. 77. Кн. 15. С. 24–34.
13. [Большой С.В.]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-Кайсацкой степи // Сын Отечества. 1822. Ч. 80. Кн. 35. С. 49–68.
14. Бырня П.П., Рябой Т. Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // Российская археология. 1997. № 2. С. 91–103.
15. Величко П.Е. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости (1803 г., с примечаниями В.В. Григорьева) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Т. V. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 179–205.
16. [Гавердовский Я.П.]. Общее обозрение местоположения Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из записок Г. Гавердовского) // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. Кн. 13. С. 43–60. (6-я паг.).
17. [Гавердовский Я.П.]. Разграбление Киргизами Русского каравана, шедшего в Бухарию в 1803 году. (Отрывок из дневных записок г. Гавердовского) // Сибирский вестник. 1823. Ч. 2. Кн. 9. С. 29–36 (5-я паг.).
18. [Гавердовский Я.П.]. Разграбление Киргизами Русского каравана, шедшего в Бухарию в 1803 году. (Отрывок из дневных записок г. Гавердовского) // Сибирский вестник. 1823. Ч. 2. Кн. 10. С. 37–45 (5-я паг.).
19. Г[ене]. Г. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из Обозрения Киргиз-Кайсацкой степи Г. Г.) // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20. С. 141(321)–148(328).
20. [Григорьев В.В.]. О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. // Известия РГО. 1870. Т. VI. Отд. 1. С. 46–48.
21. Григорьев В.В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // Записки РГО. 1861. Кн. 2. С. 105–138.
22. Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1957.
23. Джон Кэстль. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой орды. Алматы, 1998.
24. Документ № 86. 1803 г. Из журнала, составленного поручиком Гавердовским, Ивановым и Богдановичем во время их поездки в Бухару через Казахстан // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964. С. 152–163.
25. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 108–167.
26. Ерофеева И.В. Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Т. V. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 5–14.
27. Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е. Алматы, 2007.

¹ Там же. С. 273.

² Признавая важное научно-познавательное значение полного издания материалов данной экспедиции по программе «Культурное наследие» (см.: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. Т. V), отметим, все же, что оно имеет заметный недостаток, а именно отсутствие научных комментариев по этнографической (в т.ч. и памятниковедческой), топонимической части первоисточника, что, порой, затрудняет понимание и освоение важных сведений, локализацию событий и т.д.

28. Ефремов Ф.С. Десятилетнее странствование / Под ред. Э.М. Мурзаева. М.: Географгиз, 1952.
29. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.
30. Замечания о Киргизской степи // Астраханские губернские ведомости [газета]. 1855. № 22, 23, 29, 30, 31, 35, 37, 39, 41. Часть неофициальная.
31. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
32. Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. М.: Наука, 1988.
33. История и культура Атырау в русских источниках (XVIII–XX вв.). Т. 1 / Сост. М.К. Кипиев; научн. ред. Ж. Шалгынбай. Атырау, 2014.
34. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007.
35. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
36. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
37. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. I–III. СПб., 1832.
38. Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. I. 1715–1856 / Отв. ред. Г.Н. Чабров, Ф.С. Наточиев. Ташкент, 1955.
39. Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 133–145.
40. Обзорный отчет о работе Западно-Казахстанской этноархеологической экспедиции за 2004 г. / Сост. Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А.; Архив Госинспекции по охране историко-культурного наследия Атырауской обл. Алматы – Атырау, 2004.
41. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
42. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Атлас. СПб., 1788.
43. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1-я: 1768 и 1769 годов. СПб., 1773.
44. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2-я. Кн. 1-я: 1770 год. Пер. Ф. Томанский. СПб., 1786.
45. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3-я. Половина 2-я: 1772 и 1773 годов. Пер. Вас. Зуев. СПб., 1788.
46. Первые русские научные исследования Устюрта: Сб. материалов / Отв. ред. академ. А.Л. Яншин, Л.А. Гольденберг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
47. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Географические известия. 1850. Вып. 4. С. 519–599.
48. Поездка Христофора Барданеса в Киргизскую степь, по поручению Академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России... Том седьмой, заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика Фалька. СПб., 1825. С. 3–5.
49. Полное собрание ученых путешествий по России... Том седьмой, заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика Фалька. СПб., 1825.
50. Путешествие Самуила Готлиба Гмелина по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. / Пер., вступит. ст. и примеч. К.И. Шафрановского и Т.К. Шафрановской // Труды Туркменского географического общества. Ашхабад, 1958. Вып. I. С. 181–226.
51. Рукавкин Д. Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам, с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753-м году из Оренбурга в те же места купеческом караване, самарского купца Данилы Рукавкина // Новости литературы. СПб., 1823. Кн. V. № 34. С. 118–127.
52. Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 г. СПб., 1772.
53. Рычков П. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762.
54. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
55. Сиверс И. Письма из Сибири. Фальк И. Описание всех национальностей России. Алматы, 1999.
56. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний... СПб., 1763.
57. [Спасский Г.И.]. Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9. С. 51–78, 93–124, 161–196.
58. Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова, 1620–1622 гг., декабря 12 // Сборник князя Хилкова. Петербург, 1879. № 107. С. 388–579.
59. Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1949–1953 / Под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–258.
60. Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1950 г. // Советская археология. 1953. Вып. XVIII. С. 301–325.
61. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974.
62. Юдин В.П. О строительстве мавзолея Кыяата Джир-Куглу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., прим., иссл. В.П. Юдина. Комментар. и указат. М.Х. Абусейтовой. Алмата, 1992. С. 83–86.
63. *Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwa und Buchara 1732*. St. Petersburg, 1902.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Ажигали, С. Е. Очерк истории изучения памятников народного зодчества, «древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.). Часть 1. От ранних сведений о памятниках кочевго Арало-Каспия до экспедиции Я.П. Гавердовского 1803–1804 гг. / С.Е. Ажигали // Пространство и Время. — 2017. — № 2-3-4(28-29-30). — С. 108—127. Стационарный сетевой адрес 2226-7271provst2_3_4-28_29_30.2017.41.